

А

лександр Блок сказал, что поэт — это чувство пути. И главным образом не того пути, что пройден (хотя и это чувство большинству пишущих незнакомо), а пути неведомого, того, что предстоит пройти.

И недаром сказано про чувство. Потому что поэт — не тот, кто мыслит в стихах, а тот, кто мыслит стихами. А это невозможно без поэтического чувства. Просто именно таким образом поэт понимает мир, так познает, «физиология познания» у него такая, основанная на интуиции, пророчествах, заглядываниях за «бездны мрачной край» или же, наоборот, за краешек тверди небесной. Обыкновенные люди чувствуют эту непохожесть, «иную физиологию», и благоразумно сторонятся. Иногда возносятся до небес. Но чаще сторонятся. И не приведи Бог кому обидеть поэта! С древнейших культур и поныне это считалось особым преступлением. Все равно, как обидеть юридивого. Потому что и тот, и другой «в руце Божьей».

Речь, конечно же, идет об истинном поэте, а не том, у кого в визитке жирным курсивом набрано слово «поэт».

Про новую книгу Аллы Линева¹ писать страшно. Потому что эта книга — чувство пути. Пути, еще далеко не оконченного, пути, которому только-только открываются «небесные протоки». На какую же гору для такого зрения надо было взойти!

Все земное пыль и прах,
Все пригрезилось, приснилось,
Но веселье малых птах
Долго по небу носилось.
Все кружило над жнивьем,
Где колосья шелестели...
Но сгорело все живьем,
Все закуталось в метели.
И теперь белым-бело,
Где ступать мне было колко.
Все взросло и отцвело,
Все затихло, все умолкло...

---

¹ Алла Линева. По небесным протокам. Стихотворения. — «Российский писатель», 2018.

Это из заключительной, четвертой части книги («Средь снежной замети»). Но именно так с исколотым жнивьем сердцем (а не ногами) восходит поэтесса к «небесным протокам».

Впрочем, о частях книги. Их четыре: «Из Южной тетради», «Ветра вольного мотива», «Так лейтесь, слезы» и «Посреди морозной замети».

Четыре части, четыре времени года, четыре ступени вверх...

«Южная тетрадь» исполнена музыки нежной и яркой, чувственной:

Мне звезды падали в ладонь,
Я их опять бросала в небо,
И все звенело — только тронь,
И все кружилось и звенело...

Или:

Дозревает инжир,
И сочны уже яблоки, груши,
И меж веточек тонких золотится айва,
Виноград наливаются — будет греть наши души,
Те, с которыми в вечном раздоре у нас голова...

Но и в это трепетное и умиротворенное пространство юга задувает ветер из будущего, ветер русских полей:

Встречай, родное Черноземье,
Березы, клены, тополя,
Рябины яркие знаменья,
Сырые голые поля...

«Вольный ветер» — такой же равноправный лирический персонаж следующей части книги, как и сама поэтесса.

Он не рвет и не мечется в лирическом пространстве Аллы Линевой, но незримо присутствует всюду: в «тихом шелесте трав», в движении облаков, в качающихся ветках «берез-подружек».

Не рвите мне сердце — оно не порвется,
Оно не из ситца — из ветра и солнца,
Из шелеста трав, из журчанья воды,
Из радости соткано и из беды...

Или:

Вот оно — царство мое:
Клевер, полынь, осока.
Да в зеленях — жнивье,
Да облака — высоко.
За облаками — синь,
Крик одинокой птицы...
Счастье мое — в Руси,
Мне за нее молиться.

Вообще-то пора сказать о главной особенности поэзии Аллы Линевой, заключающейся в ее необыкновенной женственности и русскости. Даже страшная боль у нее не показывает себя заломанными театральными руками или заковыристым предлобно-приставочным умничаньем, нет — все тихо, по-русски, по-бабьи. С просветлением, а не ожесточением в конце.

Чтобы это не казалось расхожим утверждением, просто сравним с лирическими портретами самых известных наших поэтесс: у Цветаевой — мужское и самоироничное («Как хорошо, что Вы больны не мной...»), у Ахматовой — изломанное и декадентское («Слава тебе, безысходная боль...»), и вот Линева — простое, женское, русское...

Стояла перед образом, молчала...
Смотрела в неподкупные глаза.
И лодкой колыхалась у причала
Душа, и воспаряла в небеса.
Шептали губы: «Даждь мне по заслугам
И все как надо, Боже, обустрой!..»
И грезилось, что я иду за плугом
И зернышки бросаю в перегной.
И полюшку тому не видно края...
И зернами сума моя полна...
Я грешница, я дочь Его земная,
Я пригодилась в эти времена...

Я не то чтобы пытаюсь самовольно ввести Аллу в созвездие великих (туда и без того достаточно претенденток — от благополучно устроенной Беллы Ахмадулиной до бездомной Ксении Некрасовой), просто на диаметрально резких примерах Цветаевой и Ахматовой зримее и торжественнее выступает Линева...

Последние две части книги читать невозможно: жуткая, современная, чужая нашим полям и перелескам Россия, точнее «Российская федерация», врезалась в жизнь поэтессы на полной скорости и раскроила эту жизнь на «до» и «после» ее материнского горя...

Память рассыпана
Остро осколками...
Птичьими вскриками, ветками голыми,
Смехом мальчишечьим, зовами: «Ма!»
...В душу незыблемо
Входит зима.

Но в год столетия царевубийства в России хочется повторить последние из адресованных нам слова Государя: «И помните, что зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее. Но не зло победит, а только любовь».

Алла Линева идет к этому:

Небо смотрит на меня из-за туч
Бирюзовым островком — оком Божьим,
Мир и светел, и безумно дремуч —
Не найти в нем, кто всего был дороже.
Потеряла, упустила, ушло...
Просочилось, как сквозь пальцы, истаяло...
Только в небе Божье око светло,
Да резвятся птицы малыми стаями...
Да в душе моей лишь боль немоты.
Истекает сердце кровью — раздавлено...
Осень в прошлое сжигает мосты, —
Значит, скоро будут в вечное явлены.

И уже из вечного, в боли и молитве, открывается эта картина:

Хоть и верится с трудом —
Боже, помоги неверью!
Обогрей мой стылый дом,
Чтоб раскрыть мне настежь двери.
Чтобы свет пронзил меня,
Чтобы радость зрела в муке,
Чтоб ребенок, семена,
Протянул навстречу руки.

Книга посвящается трагически погибшему сыну поэтессы — Михаилу. С твердым обещанием извечного нашего: «Веруем! В воскресение мертвых и в жизнь будущего века. Аминь».